

"БОРИС ГОДУНОВ" А. С. ПУШКИНА (ПРОБЛЕМА
СООТНОШЕНИЯ СТИХА И ПРОЗЫ)

Р. М. Лазарчук

В трагедии Пушкина, по данным Г. О. Винокура, 1562 стиха и 258 прозаических строк. Из 23 сцен — 16 стихотворных, 4 прозаические, 2 стихотворные с прозаическими вставками и одна прозаическая со стихотворной вставкой. Эту сцену "Площадь перед собором в Москве" исследователи обычно относят к чисто прозаическим, очевидно, из-за минимального объема стихотворной вставки (песня юродивого). Как сложились эти пропорции (16:4:2:1), как родился этот улавливаемый и при самом беглом взгляде на графическую схему композиции "Бориса Годунова" ритм чередования стиха и прозы, неясно. Но и те немногие изменения в структуре трагедии, о которых мы знаем только потому, что они были внесены на последнем этапе работы, свидетельствуют о том, что в поэтике пушкинской трагедии ритм чередования стиха и прозы был отнюдь не нейтральным элементом. В печатном тексте "Бориса Годунова", как известно, опущены 2 сцены. Снятие одной из них ("Ограда монастырская") еще в рукописи неизбежно потребовало исключения другой — "Уборная Марины" — уже в печатном тексте. Думается, что отказ от этих сцен (они должны были соответственно занимать 6 и 12 места) вызван не только идейно-художественными соображениями, но и стремлением восстановить ту "меру" (5 стихотворных сцен), повторяемость которой и создает ритм. Доказать содержательность этого приема — значит соотносить чередование стиха и прозы в "Борисе Годунове" с развитием драматического действия и сюжетно-композиционной организацией текста.

В "монтаже характерных сцен" (Ю. Н. Тынянов) — первая прозаическая сцена "Палаты патриарха" (6), интерпретация которой уже в течение ста пятидесяти лет определяется только ее "низким" содержанием. В прозе обычно видят лишь своеобразный эквивалент прозаической натуры патриарха, средство создания комического характера. Однако в структуре трагедии

сцена не только нечто самостоятельное, замкнутое. Она — звено в системе целого и, следовательно, взятая отдельно, не может выявить всех своих значений. Они возникают лишь из соположения смыслов окружающих сцен. Сцене "Палаты патриарха" (6) в композиции трагедии предшествует 5 стихотворных сцен. Первые четыре образуют своеобразный "пролог" (Л. Д. Благой) драмы. Недовольство Борисом бояр, равнодушие народа, тема давнего преступления Годунова, возникающая в разговорах Шуйского и Воротынского, избрание Бориса царем — такова экспозиция трагедии. В пятой ("Ночь. Келья в Чудовом монастыре") намечается завязка. В шестой ("Палаты патриарха") сообщается о бегстве Григория Отрепьева из монастыря и дерзкой мечте безродного самозванца: "буду царем на Москве!" Этот решительный поворот сюжета подчеркнут прозой. Возвращение к стиху (перебивка занимает одну сцену — "Царские палаты" — 7) оправдано возвращением драматического действия к царю Борису.

Следующий переход к прозе происходит в сцене "Корчма на Литовской границе". Эта сцена (восьмая по счету) продолжает тему шестой. Их сюжетная переключка подчеркнута самим Пушкиным и обнаруживается благодаря системе повторов, дающихся с явным усилением. В шестой сцене о бегстве Отрепьева говорят игумен и патриарх. В восьмой "Недостойный Чернец Григорий" появляется в качестве действующего лица. Он показан в движении к опасной цели. Угроза патриарха ("Поймать, поймать") приобретает в восьмой сцене силу "царского указа". Однако об истинных причинах бегства и, следовательно, о реальной опасности Гришки Отрепьева официальный документ умалчивает. Автоцитата дается неточно, зато точно сохраняется тип речи.

В 9 сцену ("Москва. Дом Шуйского") проза входит на правах вставки, разрывающей стихотворный текст. Вторжением прозы сигнализируется новый поворот в развитии сюжета: "Димитрий появился". Об этом говорится как о событии свершившемся, но уже ... стихами. Прозаической вставкой графически обозначена граница между двумя этапами в развитии драматического действия: путь Отрепьева к Самозванцу (сцены 6 и 8) отмечен прозой, деяния Самозванца, облеченного именем уби-

енного царевича Димитрия, борьба царя Бориса с Самозванцем (сцены 10-15) - стихами.

Сцена шестнадцатая ("Равнина близ Новгорода-Северского") не могла быть написана стихами. Восьмая от конца, в композиции "Бориса Годунова" она симметрична сцене "Корчма на Литовской границе" (восьмой от начала). "Зеркальность" - "общий структурный принцип трагедии"¹, и потому естественно ожидать его действия на уровне "типа речи". В шестнадцатой сцене прозой выделен новый сюжетный поворот - первая победа Самозванца, приближающая его к власти. В ряду сцен, составляющих "круг" Самозванца (термин Д.Д.Благого), - это кульминация. В той же роли в ряду сцен, образующих "круг" Годунова, выступает семнадцатая сцена - "Площадь перед собором в Москве". Отмечая усложнение мотивировок перехода от стиха к прозе в конце трагедии, Л.С.Сидяков подчеркивает связь "чередования стихотворных и прозаических сцен" с "основным конфликтом" пьесы "царь (власть) - народ"². Добавим - в структуре трагедии это единственная сцена, где тема царя Бориса дана в прозе. Столь резкий слом не случаен. В шестнадцатой и семнадцатой сценах Самозванец и Борис меняются ролями. В шестнадцатой сцене Самозванец назван Димитрием; его уже считают царем, хотя на престоле еще сидит Борис Годунов. В семнадцатой сцене устами юродивого Борису брошено страшное обвинение: "зарезал ты маленького царевича". Он назван "царем Иродом". Он Самозванец. Его поражение и смерть предreshены.

Сцена "Площадь перед собором в Москве" (17) перебита стихотворной вставкой. В структуре "Бориса Годунова" это единственный случай вторжения стиха в прозу и - одновременно - отказа от пятистопного ямба; песня юродивого написана двухиктным тактовиком, имитирующим народную песню. В композиции трагедии она, бесспорно, "рифмуется" с прозаическим началом десятой сцены ("Царские палаты"), народно-песенный

¹ Непомнящий В. "Наименее понятый жанр". - Заметки о духовных истоках драматургии Пушкина. - Театр, 1974, №6, с.23.

² Сидяков Л.С. Стихи и проза в текстах Пушкина. - В кн.: Пушкинский сб. Вып. 2 - Рига, 1974, с.17-18.

характер которого неоднократно отмечался исследователями. Песня юродивого – композиционный центр семнадцатой сцены. До нее – 13 реплик, после нее – 11. Сцена открывается фразой: "Скоро ли царь выйдет из собора?" и завершается приговором юродивого: "Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – богородица не велит". Между ними – всенародно совершаемые суд и проклятие. Шестнадцатая и семнадцатая сцены образуют кульминацию "Бориса Годунова". За ней следует развязка: смерть Бориса, предательство Самозванца. Дважды в восемнадцатой и двадцать второй сценах (они написаны стихами и следуют тотчас или перед прозаическими сценами) прозвучит: "Да здравствует Димитрий!" С криками: "Вязать! Топить!... Да здравствует Димитрий! Да гибнет род Бориса Годунова!" "толпою несется" народ. Но "божий суд", покаравший Бориса, настигает и Самозванца. В двадцать третьей (прозаической по форме) сцене происходит убийство другого царевича – Федора. На престол должен вступить царь Ирод. Развязан последний сюжетный узел трагедии. В финале пьесы прозой отмечены уже не только катастрофа Самозванца, но и прозрение народа.